

Тот человек был слегка бледен, его силуэт казался хрупким и одиноким. Длинные черные ресницы мягко опускались, а солнечный свет падал на его лицо, отбрасывая две изящные тени. Му Цинфэн смотрел на него, и вдруг в его сердце возникло странное чувство, словно лапка котенка мягко щекотала его изнутри, вызывая одновременно и приятное, и болезненное ощущение.

Он подумал, не стоит ли ему выйти из паланкина и, представившись Чжоу Фэном, поинтересоваться, все ли в порядке.

Но тут он увидел, как к Гу Шаобаю подошел человек, одетый в тот самый яркий наряд, который тот носил в лавке «Фаньюань».

— Шаобай, что с тобой?

Человек с теплотой поддержал Гу Шаобая.

Этот естественный жест вызвал у Му Цинфэна неприятное чувство. Кто этот человек, который так легко общается с Гу Шаобаем на улице?

Гу Шаобай пришел в себя, увидев Гу Ябая, и улыбнулся:

— Двоюродный брат, что ты здесь делаешь?

Гу Ябай ответил:

— Я договорился с друзьями пообедать, как раз иду туда... Но оставь это, что с тобой? Тебе нужно к врачу?

Гу Шаобай знал, что его двоюродный брат, хоть и был легкомысленным, но имел доброе сердце и хорошо к нему относился. Его легкомыслие не шло ни в какое сравнение с его отцом, и все его интересы сводились к четырем главным удовольствиям: еде, питью, азартным играм и женщинам.

Гу Шаобай махнул рукой:

— Все в порядке, просто немного голова кружится, сейчас прошло.

Гу Ябай, убедившись, что с ним все в порядке, уже собирался уходить, но Гу Шаобай его остановил.

— Двоюродный брат...

Гу Шаобай вдруг подумал, что Гу Ябай, будучи единственным сыном его дяди, мог бы помочь ему убедить дядю вернуться в Чжанчэн, и решил попробовать узнать его мнение.

— Ты помнишь, как в детстве мы жили в Чжанчэне?

Гу Ябай ответил:

— Конечно помню! Я тогда много проказничал, и каждый раз, когда дядя хотел меня наказать, вы трое заступались за меня, иначе моя задница давно бы уже была в синяках.

Гу Шаобай с трудом сдержал смех, думая, что это совсем не то, о чем он хотел поговорить.

— Двоюродный брат, тогда в Чжанчэне мы жили так счастливо. Климат там намного лучше, чем в столице. Круглый год тепло и влажно, а здесь, в Цзинлине, летом жара невыносимая, а зимой вода замерзает, совсем некомфортно...

Гу Ябай, не подозревая подвоха, согласился:

— Да, Чжанчэн действительно хорош. Горы и реки там красивее, чем в столице.

Гу Шаобай с надеждой посмотрел на него:

— Двоюродный брат, как ты думаешь, может, мы вернемся туда?

На этот раз Гу Ябай был категоричен:

— Нет!

— ...

Гу Ябай задумчиво посмотрел вдаль, смакуя воспоминания:

— Чжанчэн, конечно, хорош, но он не сравнится со столицей. По сравнению с борделями Цзинлина, девушки в Чжанчэне — как деревенские курицы. По сравнению с игорными домами столицы, игорные дома Чжанчэна — как сараи. А по сравнению с ресторанами Цзинлина, таверны Чжанчэна — как отхожие места...

Он еще продолжал сравнивать, но Гу Шаобай уже развернулся и пошел прочь. Это был разговор с глухой стеной.

Му Цинфэн наблюдал за этой сценой и чуть не рассмеялся. Он смеялся и над странным двоюродным братом Гу Шаобая, и над тем, что сам Гу Шаобай задумал.

Паланкин снова плавно двинулся по каменной дороге, но его мысли долго не могли успокоиться. Лицо Гу Шаобая, такое четкое и выразительное, продолжало стоять перед его глазами.

Он действительно был интересным человеком!

На следующий день Ван Сыдао на аудиенции признал свою вину. Он сказал, что хотя слухи в народе преувеличены, он несет ответственность за плохое воспитание сына, что опозорило императорскую семью, и попросил императора наказать его.

В итоге император приказал Ван Сыдао месяц провести в размышлениях и лишил его полугодового жалования.

Услышав новости, принесенные Мо Жанем, Гу Шаобай наконец вздохнул с облегчением. Теперь его перерождение было в безопасности. Даже если Ван Сыдао не оставит свои попытки расследовать, он больше не сможет открыто искать виновных по всему городу.

С этим делом было покончено, но оставалась еще одна проблема, которая продолжала беспокоить Гу Шаобая.

Дело в том, что через три месяца должно было исполниться день рождения Му Цинфэна.

Всего три месяца, и Гу Шаобай чувствовал, что если так пойдет дальше, он поседет раньше

времени и состарится, не успев насладиться жизнью!

Ранним утром Гу Шаобай стоял во дворе, подняв голову к небу и вздыхая.

— Шаобай, ты плохо спал? У тебя под глазами синяки!

Гу Цинбай, проходя через лунные ворота, заметил явные следы усталости на лице Гу Шаобая.

Гу Шаобай улыбнулся:

— Вчера вечером переел, поэтому не мог уснуть до полуночи.

Если так будет продолжаться, он умрет от переутомления, даже не дожидаясь, пока Му Цинфэн его погубит!

— Позже попроси Миньюэ сходить к аптекарю и взять лекарство для улучшения пищеварения...

Гу Шаобай с трудом улыбнулся и согласился, затем спросил:

— Брат, я заметил, что ты последнее время редко бываешь дома. Чем ты занят?

— Я как раз хотел тебе сказать. Скоро пятидесятилетие князя Мобэя, и через несколько дней мы с отцом отправимся в город Мобэй. Сейчас как раз занимаемся подготовкой подарков. Шаобай, это редкая возможность, поезжай с нами!

Гу Шаобай чуть не сказал «да». Он мечтал побывать на границе, увидеть пустыню, услышать звон караванных колокольчиков...

Но если он уедет, кто будет следить за Му Цинфэном? Это был настоящий дилемма...

— Брат, дай мне подумать.

Гу Шаобай взял палочку и начал ковырять ею рыбу на тарелке.

Мо Жань с жалостью смотрел на разрушенное блюдо из паровой селедки и наконец, с огромным сожалением, убрал тарелку:

— Пожалуйста, пощади рыбу. Это же подношение, я с трудом нашел одну...

Он удалил кости, выбрал кусочек побольше и положил его на тарелку Гу Шаобая:

— Кто опять расстроил третьего молодого господина?

Гу Шаобай положил рыбу в рот, попробовал и кивнул. Да, подношение действительно было вкусным! Но когда он думал о проблеме, которая стояла перед ним, даже самая изысканная еда не могла поднять ему настроение.

Он вздохнул:

— Отец и брат собираются в Мобэй, и я хочу поехать с ними.

Мо Жань удивился:

— Хочешь поехать — поезжай. Ты ведь всегда хотел туда попасть, разве нет?

Гу Шаобай покачал головой, подперев подбородок рукой, и смотрел на разноцветные блюда на столе, чувствуя себя раздраженным.

Мо Жань сказал:

— Твой отец и брат едут поздравить князя Мобэя с днем рождения?

Он бросил на стол обглоданную куриную косточку.

— Я слышал от отца, что князь И тоже собирается в Мобэй...

Гу Шаобай резко поднял голову:

— Что ты сказал?

Мо Жань вытер рот от жира, слегка озадаченный его реакцией.

— Вчера на аудиенции император сказал, что князь Мобэй двадцать лет охранял границу и заслужил награду. В честь его дня рождения он отправляет князя И представлять двор и наградить армию... Я слышал от отца, что изначально император хотел отправить Ван Сыдао, но тот был наказан, поэтому выбрали князя И...

— Почему ты не сказал раньше?

Гу Шаобай ударил Мо Жаня по затылку, прерывая его болтовню.

Он был в восторге. Не только потому, что князь И уезжал из столицы, и он мог поехать с отцом и братом в Мобэй, но и потому, что Цзинлин находился в тысяче ли от Мобэя, и поездка туда и обратно заняла бы как минимум два месяца. За это время вопрос о закупке зерна для армии уже был бы решен, а если немного затянуть, то можно было бы и вовсе пропустить день рождения Му Цинфэна!

Мо Жань сглотнул и осторожно спросил:

— Шаобай, почему твоя улыбка такая... зловещая...

Гу Шаобай, в отличном настроении, улыбнулся так тепло, что уголки его рта поднялись до ушей:

— А теперь?

Мо Жань поднял его подбородок пальцем и с хитрой ухмылкой сказал:

— Малыш, дай поцелуй...

И тут же получил кулаком в лицо:

— Ты получил немного свободы и уже зазнался!

Гу Шаобай нашел Гу Цинбая, сказал, что поедет в Мобэй, и велел Миньюэ подготовить его вещи. Вечером, когда он пошел сообщить Му Люняню, оказалось, что Фан Цинчи уехал больше десяти дней назад и до сих пор не вернулся.

Он спросил Му Люняня, но тот ничего не мог сказать, лишь упомянул, что Фан Цинчи,

кажется, расследовал какое-то старое дело.

С Чжуншэном, оставшимся ухаживать за Му Люнянем, Гу Шаобай чувствовал себя беспокойно.

И Му Люнянь, и Чжуншэн были личностями, чья истинная сущность не должна была быть раскрыта, и оба были слабыми и беспомощными. Как они смогут защитить себя?

После ужина Гу Шаобай и Му Люнянь играли в шахматы, когда вдруг занавеска отодвинулась, и вошли двое: один в черном, другой в белом. Это были обаятельный Цзи Цзяньчэнь и элегантный Фан Цинчи.

<http://bllate.org/book/16730/1538626>